

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

М.Ю. УРНОВ,
В.А. КАСАМАРА

Национальная идентичность студентов России и США (сравнительный анализ). Статья 2. Аспекты отношения к стране, делающие ее объектом национальной идентичности*

В статье сопоставляются некоторые базовые характеристики национальной идентичности российских и американских студентов. Были исследованы взгляды студентов трех ведущих вузов России (МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ) и студентов Принстонского университета (США). Анализируются компоненты отношения к стране, делающие ее объектом национальной идентичности (страновой фаворитизм, уровень критического отношения к стране и специфика проявления чувства долга перед своей страной).

Ключевые слова: национальная идентичность, политические предпочтения, студенты, потенциальные элиты, Россия, США.

Предыдущая статья [Урнов, Касамара 2016] была посвящена краткому описанию теоретических трактовок национальной идентичности и анализу некоторых нормативных представлений российских и американских студентов о своей стране как объекте национальной идентичности. Во второй (заключительной) статье мы рассмотрим ключевые аспекты отношений, превращающих страну в объект национальной идентичности; особенности этих отношений у российских и американских студентов; а также подведем общие итоги проведенного исследования.

В научной и публицистической литературе, равно как и в массовом сознании, отношение к стране, **превращающее ее в объект национальной идентичности**, чаще всего именуется *патриотизмом*. Анализ философских, психологических, социологи-

* Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в 2016 г.

Урнов Марк Юрьевич – доктор политических наук, профессор, научный руководитель департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: vkasamara@hse.ru

Касамара Валерия Александровна – кандидат политических наук, доцент, заведующая Лабораторией политических исследований факультета социальных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: vkasamara@hse.ru.

ческих и политологических работ, посвященных патриотизму¹, позволяет выделить три ключевые компоненты этого отношения: а) позитивная сопричастность стране; б) критическое отношение к стране; в) чувство долга перед страной. Содержание этих компонент определяет многообразие переживаний страновой идентичности на индивидуальном и групповом уровнях². В нашей работе были исследованы лишь некоторые характеристики указанных компонент: страновой фаворитизм, выраженность критического отношения к стране и специфика проявления чувства долга перед страной.

Страновой фаворитизм (цивилизационно-временная развертка)

Страновой фаворитизм, то есть склонность людей тем или иным образом смещать оценки своей и чужих стран в “свою” пользу, представляет собой частный случай группового фаворитизма. В социальной психологии под влиянием работ Г. Таджфела и Дж. Тернера³ групповой фаворитизм чаще всего рассматривается как способ удовлетворения глубинной потребности человека в позитивной идентичности/позитивной сопричастности своей группе (стране). Интенсивность странового фаворитизма может варьироваться от индивида к индивиду, от группы к группе, от национальной культуры к национальной культуре, от страны к стране⁴.

Важно, однако, иметь в виду, что фаворитизм – далеко не единственный способ обеспечения позитивной сопричастности стране, которая вполне может существовать и на фоне отрицательных оценок своей страны относительно других стран⁵. Объектом странового фаворитизма может быть образ страны в целом, равно как и отдельные элементы этого образа. Причем оценки целого и частей могут не только существенно отличаться, но и противоречить друг другу, как это происходит, например, с диффузным и специфическим доверием к политической власти у Д. Истона [Easton 1975] и – в общем случае – с впечатлениями об объекте в целом и о его отдельных частях.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет цивилизационно-временная развертка странового фаворитизма, то есть распределение оценок прошлого, настоящего и будущего страны относительно основных цивилизаций мира.

В психологической теории проблеме временной перспективы в структуре идентичности посвящен целый ряд фундаментальных работ. К. Левин придавал важное значение оценкам прошлого, настоящего и будущего в формировании групповой идентичности [Левин 2000, с. 239–268]. О пространственно-временной структуре идентичности писал Э. Эриксон [Эриксон 1996, с. 59, 64, 69], а о значении прошлого для формирования образа страны – М. Вебер и К. Боулдинг [Вебер 1946, р. 190; Boulding 1959, р. 122]. К. Калхун относит “глубину во времени”, то есть “представление о том, что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения,

¹ См., например, [Брубейкер 2012; Калхун 2006; Соловьев 1897; Соловьев 1898; Хабермас 2005; Хабермас 2008; Anderson 2006; Backhouse 2013; Baron 1989; Billig 1995; Brighouse 2006; Canovan 2000; Cohen 1996; Dekker, Malová, Hoogendoorn 2003; Dietz 1989; Gellner 1983; Greenfeld 1992; Hobsbawm 1992; Kateb 2000; Miller 2008; Miscovic 2014; Miller 2007; Nathanson 1989; Primoratz 2015; Rothi, Lyons, Chryssoschoou 2005; Schatz, Staub, Lavine 1999; Schochet 2001; Vincent 2005; Vincent 2013; Wirth 1936].

² Заметим попутно, что указанные компоненты могут использоваться как характеристики отношения к любому объекту групповой идентичности.

³ См., например, [Tajfel, Turner 1979; Turner, Hogg, Oakes, Reicher, Werherell 1987, р. 42].

⁴ Очень колоритно эти различия иллюстрирует приводимый Ф. Достоевским в “Дневнике писателя” анекдот о разговоре между наполеоновским маршалом Себастьяни и одним англичанином. Себастьяни заявил: “Если бы я не был французом, то желал бы стать англичанином”. Англичанин выслушал, но, нимало не тронутый лобезностью, тотчас ответил: “А если б я не был англичанином, то я все-таки пожелал бы стать англичанином” [Достоевский 1981, с. 95].

⁵ Один из способов такого существования зафиксирован в пословице “Своя печаль чужой радости дороже” [Даль 1904, с. 38]. Еще один описан А. Пушкиным: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство... Когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели – то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне “Онегина” я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь...: где же мой поэт? ... услышишь...: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не вернется – ай да умница» [Пушкин 2006, с. 618].

и обладает историей”, к одной из десяти “наиболее важных ... особенностей риторики нации” [Калхун 2006, с. 30–31]. И. Приморац полагает психологическую причастность к прошлому и будущему страны одной из важных характеристик патриотизма [Primoratz 2015].

Что касается эмпирических исследований страновой идентичности, то они эту проблему практически не затрагивают. Между тем сопоставление временных горизонтов странового фаворитизма облегчает возможность исследования такого значимого фактора страновой идентичности, как оптимизм/пессимизм, а также позволяет лучше понять, какие объекты внешнего мира референтны при формировании оценок своей страны.

Как видно из таблицы 1, в абстрактных нормативных суждениях подавляющее большинство российских и американских студентов считает страновой фаворитизм явлением “естественным и правильным”, то есть заслуживающим одобрения или, как минимум, имеющим право на существование. При этом среди россиян этот взгляд несколько менее популярен, чем среди американцев.

Таблица 1

Отношение к страновому фаворитизму
(в % к числу опрошенных)

В какой мере вы согласны или не согласны с утверждением “Для человека естественно и правильно думать, что его страна лучше других”?	Россия (N=1399)	США (N=382)
Согласен + Скорее согласен	68	76
Не согласен + Скорее не согласен	28	21
(Согласен + Скорее согласен) – (Не согласен + Скорее не согласен)	40	55

На уровне конкретных отношений к своей стране ситуация складывается по-иному: у российских студентов страновой фаворитизм выражен очень сильно, тогда как у американских он практически отсутствует.

Для получения представления о цивилизационно-временной локализации странового фаворитизма респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы: что можно было бы назвать “лучшими временами” для вашей страны, западной цивилизации, восточной цивилизации, человечества в целом? Что можно было бы назвать “худшими временами” для вашей страны, западной цивилизации, восточной цивилизации, человечества в целом?

Прилагались 4 варианта ответов: “прошлое”, “настоящее”, “будущее”, “трудно сказать”. Соотношения полученных оценок показаны в таблице 2 и на рисунке.

Приведенные данные свидетельствуют о двух важных характеристиках сознания *российских студентов*.

1. Важнейшим объектом сравнения своей страны для них является западная цивилизация. Величины даваемых российскими студентами отрицательных и положительных оценок России относительно Запада на порядок превышают величины оценок России относительно восточной цивилизации и человечества в целом, а амплитуда изменений оценок “Россия/Запад” делает изменения остальных сравнительных оценок малозначимыми. Такой характер оценок говорит о том, что упоминавшийся в первой статье механизм “зеркального имиджа”, где в качестве зеркала служит Запад [Урнов, Касамара 2016], не чужд и участникам нашего исследования.

2. У российских студентов существует ярко выраженная цивилизационно-временная локализация странового фаворитизма. Речь идет о будущем России относительно западной цивилизации, образ которого порождает мощный всплеск оптимизма (+44), резко контрастирующий с устойчиво негативным взглядом на положение России относительно Запада в прошлом и настоящем (–24).

Цивилизационно-временная развертка оценок своей страны
Соотношение позитивных и негативных оценок прошлого, настоящего и будущего своей
страны, западной цивилизации, восточной цивилизации и человечества в целом
 (в % к числу опрошенных)

Оценки		Группы респондентов					
		Россия (N=1399)			США (N=382)		
		Про- шлое	Настоя- щее	Буду- щее	Про- шлое	Настоя- щее	Буду- щее
1	Своя страна	-21	-1	28	-36	9	26
2	Человечество в це- лом	-19	5	23	-47	5	40
3	Запад	3	23	-16	-37	18	20
4	Восток	-27	5	34	-41	-1	45
5	Своя страна – Че- ловечество в целом (1–4)	-2	-6	5	11	4	-14
6	Своя страна – За- пад (1–2)	-24	-24	44	1	-9	6
7	Своя страна – Вос- ток (1–3)	6	-6	-6	3	10	-19
	<i>Средние оценки позиций своей страны во време- ни (5+6+7)/3</i>	-7	-12	14	5	2	-9

Оценки в строках 1–4 представляют собой разность ($n_p - n_n$), где n_p – доля респондентов соответствующей группы, назвавших прошлое, настоящее или будущее “лучшими временами”, а n_n – доля назвавших их “худшими временами”. Показатели могут изменяться от -100 процентных пунктов (максимальная *негативная* оценка) до +100 процентных пунктов (максимальная *позитивная* оценка).

Оценки в строках 5–7 представляют собой разность оценок, указанных в скобках строк одного и того же столбца. Показатели изменяются от -200 процентных пунктов (максимальная *негативная* оценка своей страны по сравнению с Западом, Востоком или человечеством в целом) до + 200 процентных пунктов (максимальная *позитивная* оценка своей страны по сравнению с Западом, Востоком или человечеством в целом).

Что касается *американских студентов*, то говорить о наличии у них сколько-нибудь четко очерченного цивилизационно-временного локуса странового фаворитизма вряд ли возможно. В цивилизационном измерении конфигурации их оценок США относительно западной и восточной цивилизаций, а также человечества в целом мало отличаются друг от друга. При этом по абсолютной величине позитивные оценки оказываются всюду несколько меньше оценок негативных. Во временной перспективе у американских студентов наблюдается плавное нарастание негативных оценок положения США относительно человечества в целом, обусловленное прежде всего песимизмом во взглядах на перспективы страны относительно восточной цивилизации.

Цивилизационно-временная специфика странового фаворитизма той или иной группы зависит от многих факторов, детальный анализ которых является самостоятельной задачей, выходящей за рамки данной работы. Единственный представитель этих факторов, включенный в наше исследование – выраженность критического отношения к своей стране, будет рассмотрен в следующем разделе. Но прежде чем перейти к нему, позволим себе краткое замечание о влиянии на сознание наших российских респондентов еще одного фактора – массовой пропаганды. Не учитывая ее эффекта, трудно объяснить одновременное присутствие у российских студентов оптимистиче-

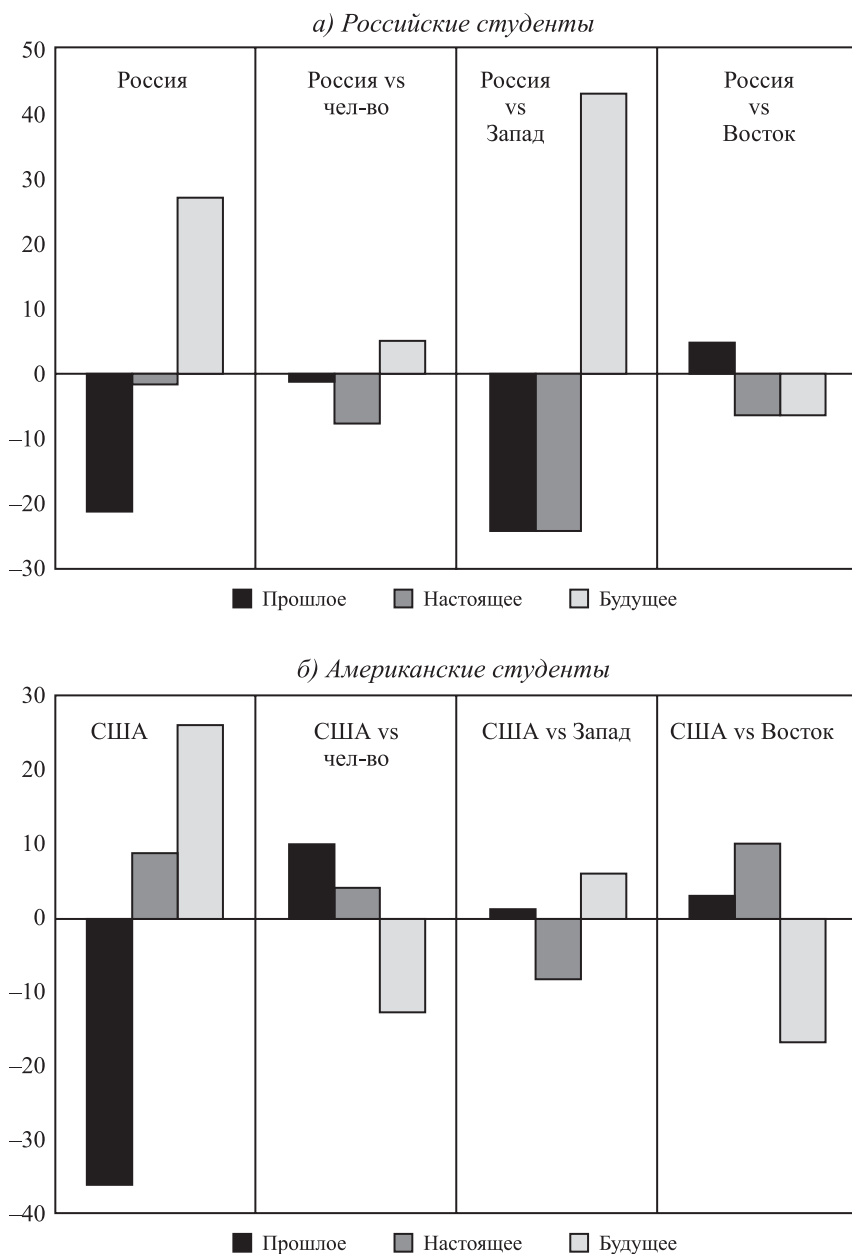

Рис. 1. Оценки прошлого, настоящего и будущего своей страны

ского взгляда на будущее страны и сильной обеспокоенности *неопределенностью ее будущего*, а также угрозами мировой войны и разрушения цивилизации (см. табл. 3).

Сосуществование в здоровом сознании столь противоречивых представлений может поддерживаться лишь верой в то, что никакие глобальные передеряги, включая ядерную войну, не смогут лишить Россию блестящего будущего. В свою очередь, наиболее безобидной причиной наличия подобной веры у людей, обучающихся в лучших вузах страны, представляется нам следствием влияния на них массовой пропаганды.

Важно также прояснить, как страновой фаворитизм сочетается у наших респондентов с желаемым типом отношений их стран с внешним миром.

Уровень обеспокоенности некоторыми политическими проблемами
(в % к числу опрошенных)

В какой мере вас беспокоит (если беспокоит) каждая из следующих проблем?	Россия (N=1399)	США (N=382)
Неопределенность будущего своей страны		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	69	59
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	27	40
Угроза мировой войны		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	59	29
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	34	68
Угроза разрушения современной цивилизации		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	49	22
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	45	76
В среднем по трем позициям		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	59	37
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	35	61

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что российские и американские студенты сильно отличаются друг от друга по соотношению авторитарных и либеральных установок во взглядах на внешнюю политику, с одной стороны, и внутреннюю политику и межчеловеческие отношения – с другой (см. табл. 4).

Как видно из таблицы 4, “удельные показатели” авторитарности (число высказываний авторитарного характера в расчете на одно высказывание либерального толка) у российских студентов выше во внешнеполитических представлениях, тогда как у американских – во взглядах на межличностные отношения и внутреннюю политику. Расширительно толкуя термин “жесткость”, введенный У. Джеймсом и обязанный своей нынешней популярностью Г. Айзенку [James, 1910; Eysenck, 1951; Eysenck 1954], можно сказать, что российские студенты жестче в отношениях к чужим, чем к своим, тогда как студенты американские, напротив, жестче в отношениях к своим, чем к чужим.

Зависят ли эти особенности в расставлении авторитарных акцентов от общего уровня авторитарности (существенно более высокого у российских респондентов) сказать трудно. Вместе с тем не исключено, что они могут быть обусловлены различиями в уровнях странового фаворитизма (высокого у российских и практически нулевого у американских студентов). В этом случае мы сталкиваемся с проявлением на групповом уровне зависимости, аналогичной той, которая на индивидуальном уровне была выявлена Б. Кристиансенем, показавшим, что агрессивность в повседневной жизни проецируется на внешнеполитические представления тем сильнее, чем выше страновой фаворитизм (в терминах Кристиансена – национализм/ патриотизм) [Christiansen 1959, p. 201–244].

Выраженность критического отношения к своей стране

Критичность индивида или группы по отношению к своей стране порождается разрывом между нормативными и дескриптивными представлениями о ней и может находиться в широких пределах от *апологетики* (“нулевой” критичности) до *всеобъемлющей критичности*. Более или менее полное описание характерного для группы критического отношения к стране требует учета сложного комплекса элементов этого отношения, которые в самом общем виде могут быть сведены в следующие блоки: используемые в группе критерии оценки своей страны (отождествление/неотождествление интересов страны с волей государства, соотношение значимости в оценках действий страны универсальных моральных норм и так или иначе понимаемых интересов страны и пр.);

Страновой фаворитизм, взгляды на внешнюю политику, межличностные отношения и внутреннюю политику российских и американских студентов
(в % к числу опрошенных)

Россия (N = 1399)		США (N = 382)	
Страновой фаворитизм			
Ярко выражен		Практически отсутствует	
Взгляды на внешнюю политику, межличностные отношения и внутреннюю политику			
Внешняя политика	Межличностные отношения и внутренняя политика	Внешняя политика	Межличностные отношения и внутренняя политика
<p>Наша страна может существовать только как великая держава А. Согласен + Скорее согласен – 62% Б. Не согласен + Скорее не согласен – 29%</p>	<p>Отношение к родителям А. Человек должен уважать своих родителей независимо от того, хорошие они или плохие, ошибаются или нет – 59% Б. Человек не обязан уважать своих родителей, если они не заслужили этого своим отношением к жизни и своим поведением – 29% А: Б = 2: 1</p>	<p>Наша страна может существовать только как великая держава А. Согласен + Скорее согласен – 23% Б. Не согласен + Скорее не согласен – 73%</p>	<p>Отношение к родителям А. Человек должен уважать своих родителей независимо от того, хорошие они или плохие, ошибаются или нет – 26% Б. Человек не обязан уважать своих родителей, если они не заслужили этого своим отношением к жизни и своим поведением – 50% А: Б = 0,5: 1</p>
	<p>Отношение к начальству А. Человек должен выполнять указания начальника, даже если он с ними не согласен – 34% Б. Человек должен выполнять указания начальника, только если он убежден в их правильности – 42% А: Б = 0,8: 1</p>		<p>Отношение к начальству А. Человек должен выполнять указания начальника, даже если он с ними не согласен – 18% Б. Человек должен выполнять указания начальника, только если он убежден в их правильности – 34% А: Б = 0,5: 1</p>
	<p>В среднем А – 47%; Б – 36%</p>		<p>В среднем А – 22%; Б – 42%</p>
А: Б = 2,1: 1	А _{ср.} Б _{ср.} = 1,3: 1	А: Б = 0,3: 1	А _{ср.} Б _{ср.} = 0,5: 1
<p>Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать А. Согласен + Скорее согласен – 38% Б. Не согласен + Скорее не согласен – 57%</p>	<p>В нашей стране власть должны бояться. Иначе ее не будут уважать А. Согласен + Скорее согласен – 26% Б. Не согласен + Скорее не согласен – 69%</p>	<p>Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать А. Согласен + Скорее согласен – 4% Б. Не согласен + Скорее не согласен – 94%</p>	<p>В нашей стране власть должны бояться. Иначе ее не будут уважать А. Согласен + Скорее согласен – 9% Б. Не согласен + Скорее не согласен – 87%</p>
А: Б = 0,7: 1	А: Б = 0,4: 1	А: Б = 0,04: 1	А: Б = 0,1: 1

распространенность в группе критических суждений о стране (доля членов группы, позволяющих себе критику страны); широта спектра и масштабность проблем, подвергающихся критике; временной горизонт и интенсивность критики. В нашем исследовании мы затронули лишь два следующих элемента/показателя критичности:

– уровень критического отношения к прошлому страны;

– склонность группы в оценках внешнеполитических действий страны отдавать предпочтение универсальным моральным принципам, а не интересам страны (или, в терминах Г. Моргентау, “фильтрам” конкретных обстоятельств времени и места⁶).

Уровень критического отношения к прошлому страны. Данный показатель определялся по ответам участников исследования на два открытых вопроса, содержание которых было заимствовано из [Schwartz, Kim 2002]: “Назовите три события в истории страны: 1) которыми, с вашей точки зрения, больше всего следует гордиться; 2) которых, с вашей точки зрения, больше всего следует стыдиться”.

Формула расчета показателя критичности к прошлому страны: $L_{CP} = E_a / (E_a + E_p + ns_a + ns_p + ds_a + ds_p)$, где E_a – число событий, которых, по мнению опрошенных, следует стыдиться; E_p – число событий, которыми, по их мнению, следует гордиться; ns_a и ns_p – число ответов “таких событий нет” в обоих вопросах; ds_a и ds_p – число ответов “трудно сказать” в обоих вопросах. Показатель изменяется в интервале [от 0 до 1], где 0 означает полное отсутствие критичности, а 1 – максимально возможный уровень критичности, для достижения которого требуется, чтобы респонденты упомянули только события постыдного, по их мнению, характера, не указав ни одного предмета гордости и не дав ни негативных, ни несодержательных ответов. Как видно из таблицы 5, рассчитанный предложенным способом показатель критического отношения к прошлому страны у российских студентов оказался в 1,5 раза ниже, чем у американских⁷.

Таблица 5

Показатели критического отношения к своей стране

	Россия (N=1399)	США (N=382)
Критическое отношение к прошлому своей страны		
Число событий в прошлом страны, которых следует стыдиться (E_a)	1749	810
Общее число высказываний о стыде и гордости за прошлое своей страны ($E_a + E_p + ns_a + ns_p + ds_a + ds_p$)	5456	1719
Уровень критического отношения группы к прошлому страны (L_{CP})	0,32	0,47

Критерии оценки страны: универсальные моральные принципы vs интересы страны. Для выявления того, в какой мере рассматриваемые группы склонны оценивать действия своей страны на основе универсальных моральных принципов, а в какой – на основе национальных интересов, нарочито противопоставляемых этим принципам, нами использовались ответы респондентов на вопрос о том, какая из двух позиций им ближе: “Справедливость – вещь более важная, чем интересы страны” или “Интересы страны важнее справедливости” (см. табл. 6). Как видно из таблицы 6, в обеих группах в качестве критерия оценки своей страны большей популярностью пользуется универсальная мораль, однако у российских студентов склонность к этому критерию оценки выражена значительно слабее, чем у американских.

⁶ О соотношении этих фильтров и моральных принципов во внешней политике см., например, [Morgenthau 1970, p. 10].

⁷ Численно и по смыслу соотношение показателей критического отношения к прошлому страны близко к соотношению противоположных по знаку оценок прошлого своих стран, вычисляемых по ответам на вопросы о “лучших” и “худших” временах: в обеих группах прошлое оценивалось негативно, однако у россиян оценка была в 1,7 раза выше (лучше), чем у американцев: –21 против –36 (см. табл. 2).

Критерии оценки страны; связь между предпочитаемыми критериями оценки и желаемыми типами отношения страны с другими странами

	Россия (N=1399)	США (N=382)
Универсальные моральные нормы vs национальные интересы		
<i>Вопрос: Какое мнение вам ближе? (ответы в % к числу опрошенных)</i>		
Справедливость – вещь более важная, чем интересы нашей страны	57	71
Интересы нашей страны важнее справедливости	26	6
Доля респондентов, в ответах которых наблюдалась предполагаемая в теоретических работах связь между критериями оценки страны и желаемыми типами ее отношений с другими странами	55	71

В работах по политической психологии и философии морали ориентации в оценках действий страны на универсализм и на национальный интерес часто описываются как элементы противоположных друг другу ценностных констелляций: “универсализм оценок, критическое отношение к стране, установка на равенство с другими странами” vs “оценки, основанные на национальном интересе (отрицающие применимость универсальных критериев), апологетическое отношение к стране, ставка на силовое/агрессивное подчинение себе других стран”.

В своих крайних проявлениях первая констелляция характеризуется как *конструктивный (constructive)* [Schatz, Staub, Lavine 1999], *истинный (genuine)* [Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson, Sanford, Aron, Levinson, Morrow 1982], *этический (ethical)* [Primoratz 2015], *умеренный (moderate)* [Nathanson 1989], *банальный (banal)* [Billig 1995] патриотизм, просто *патриотизм* в качестве оппозиции национализму [Соловьев 1898], просто *национализм* в качестве оппозиции расизму и т.п. Вторая – как *слепой (blind)* [Schatz, Staub, Lavine 1999], *жесткий (strong)* [Vincent 2005], *крайний (extreme)* или по меньшей мере *твердый (robust)* [Primoratz 2015] патриотизм; *псевдопатриотизм (pseudopatriotism)* [Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson, Sanford, Aron, Levinson, Morrow 1982], *национализм* [Соловьев 1897], *джингоизм, шовинизм* и пр.⁸.

Используя менее эмоционально нагруженные термины, можно сказать, что первая констелляция тяготеет к взглядам на страну как на естественную часть мировой системы, интересы элементов которых нуждаются в гармонизации, а взаимодействие между ними может и должно соответствовать игровой модели *win-win*. Вторая констелляция предлагает смотреть на страну и мир глазами Т. Гоббса и в качестве модели отношений между странами ориентируется на игру с нулевой суммой.

Результаты нашего исследования обнаруживают присутствие у российских и американских респондентов описанного только что типа связи между критериями оценки страны и желаемым типом ее отношений с окружающим миром. На групповом уровне показателем такой связи может служить доля респондентов, давших следующие комбинации ответов на вопросы о критериях оценки и о том, должна ли страна стремиться, чтобы ее боялись: “Справедливость – вещь более важная, чем интересы нашей страны” “Согласен/Скорее согласен”, что “нашу страну должны бояться, только тогда нас будут уважать” “Интересы нашей страны важнее справедливости” “Не согласен/Скорее не согласен”, что “нашу страну должны бояться, только тогда нас будут уважать”. Эти доли совпадают с удельными весами респондентов соответствующим

⁸ Князь П. Вяземский именовал такой взгляд на страну *сивушиным* патриотизмом. [Вяземский 2003, с. 138]. М. Салтыков-Щедрин называл представителей этой позиции *бонапартистами*: «Под “бонапартистом” я разумею вообще всякого, кто смешивает выражение “отечество” с выражением “ваше превосходительство” и даже отдает предпочтение последнему перед первым. Таких людей во всех странах множество, а у нас до того довольно, что хоть лопатами огребай» [Салтыков-Щедрин 1988, с. 9–10]. Здесь Салтыков-Щедрин, скорее всего, обыгрывает то обстоятельство, что Н. Шовен, от фамилии которого произошел термин “шовинизм”, был, по слухам, солдатом Великой армии Наполеона и считался ярым бонапартистом.

шей группы, предпочитающих оценивать свою страну по критериям справедливости (см. табл. 6).

Такое совпадение кажется нам случайностью. Что же касается более слабой связи между рассматриваемыми показателями у российских студентов по сравнению со студентами американскими, то это представляется достаточно объяснимым и наряду с верой российских студентов в будущее страны, сочетаемой с обеспокоенностью ее будущим и перспективой ядерной войны, служит свидетельством относительно меньшей продуманности позиций наших студентов, а значит, и меньшей устойчивости их мировоззрения.

Специфика проявления чувства долга перед своей страной

В самом общем виде специфика проявления чувства долга перед страной определяется:

- интенсивностью переживания этого чувства;
- содержанием действий, направленных на исполнение долга;
- степенью самостоятельности/несамостоятельности индивидов в выборе этих действий.

Сочетанием первых двух характеристик задается мотивация долга, сила которой может колебаться в интервале от бескорыстной готовности пожертвовать собственной жизнью⁹ до расчетливого “возврата долга”, свойственного, по выражению И. Примораца, “сдуваемому/ослабленному/девальвированному (deflated) патриотизму” [Primoratz 2015]. Что касается степени независимости человека в выборе действий, то она описывается с помощью близких психологических и социально-психологических конструкций, противопоставляющих “внутренне- и внешнеуправляемое” поведение; внутренний и внешний локусы контроля, “независимые” и “взаимозависимые” Я; акценты на личных ценностях и на социально одобренных идеалах; ответственность перед собой и перед обществом; ставку на самостоятельное принятие решения и стремление получить совет со стороны окружающих и пр. Свобода выбора здесь ограничена двумя полюсами, связанными с упоминавшимися ранее типами культуры: индивидуалистической/либеральной и коллективистской/авторитарной (см. [Урнов, Касапара 2016]).

Индивидуалистический/либеральный полюс предполагает самостоятельный выбор индивида, который сам ищет себе достойное дело, сам ставит себе задачу и сам ее решает. Иллюстрацией этого принципа может служить знаменитый призыв из инаугурационной речи Дж. Кеннеди (20 января 1961 г.): “Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, спроси себя, что ты можешь сделать для своей страны” (<http://www.ushistory.org/documents/ask-not.htm>).

Коллективистский/авторитарный полюс предполагает, что инициатива находится на стороне страны/государства/социальных институтов, от которых индивид получает задачу. Хорошая иллюстрация этого варианта содержится, как нам кажется, в советской песне, появившейся в 1949 г. (слова Л. Ошанина): “Дайте трудное дело, / Дайте дело такое, / Чтобы сердце горело / И не знало покоя!” (<https://www.stihi.ru/2015/12/21/1678>).

В далекой от теоретической чистоты реальности тяготение к собственной инициативе и получению “заказа” от общества так или иначе сочетаются. Специфика группы будет определяться соотношением этих установок. В нашем исследовании мы постарались оценить популярность данных установок у российских и американских респондентов с помощью следующей пары позиций, включенных в перечень характеристик идеальной работы:

- “новое, связанное с риском дело” (индивидуалистическая ориентация);
- “возможность быть полезным стране” (коллективистская ориентация).

⁹ “... весь смысл нации заключается в бескорыстности. Именно поэтому нация может требовать жертв” [Anderson 2006, p. 144].

Соотношение индивидуалистических и коллективистских предпочтений
(в % к числу опрошенных)

Насколько важными являются приведенные ниже характеристики, с точки зрения ваших представлений об идеальной работе?	Россия N=1399	США N=382
Новое, связанное с риском дело		
Важно	31	64
Не важно	58	35
Важно – Не важно	-27	+29
Возможность быть полезным стране		
Важно	66	46
Не важно	28	49
Важно – Не важно	+38	-3

Понятно, что в обеих позициях можно обнаружить присутствие и общественной пользы, и индивидуального риска, и “независимости”, и “взаимозависимости”, и всех остальных признаков индивидуалистической и коллективистской культур. Однако в первой из них индивидуализма все же заметно больше, чем во второй, тогда как во второй коллективизма явно больше, чем в первой. Соотношение ответов показано в таблице 7.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в вопросе о долге перед страной позиции российских и американских студентов полярно расходятся: у россиян здесь доминируют коллективистские установки, тогда как у американцев – установки индивидуалистические. Контрастность представлений исследуемых групп в этой области схожа разве что с контрастностью их подходов к внешней политике.

* * *

Приведенные данные, конечно же, нуждаются в уточнении – и на основе расширения выборки (прежде всего американской), и путем подкрепления, дополнения, а возможно, и коррекции полученных выводов с помощью информации качественного характера, собираемой в ходе глубинных интервью и групповых дискуссий. Тем не менее некоторые выводы общего характера можно сделать уже сейчас.

Наша работа позволила выявить целый ряд сходств и различий в трактовках базовых аспектов страновой идентичности, распространенных среди российских и американских студентов. Однако наиболее важными для понимания перспектив формирования нового поколения российских элит нам представляются не столько специфические особенности идентичности участников исследования, сколько проявившиеся во взглядах на идентичность следующие три общие характеристики мировосприятия российских студентов, отличающие их от студентов американских. Речь идет о меньшем либерализме, большей противоречивости (непродуманности) суждений и меньшей разнице во взглядах со “среднестатистическими” гражданами страны.

Меньший либерализм. Как показало исследование, в ответах на большинство предлагавшихся вопросов у российских и американских студентов преобладали либеральные позиции. Однако склонность к либерализму у российских участников опроса была выражена значительно слабее, чем у американских. При этом в ряде случаев российские участники исследования были не просто менее либеральны, но заметно более авторитарны, чем американские. Например, говоря о желаемом положении страны в мире, две трети (62%) российских студентов заявили, что их страна “может существовать только как великая держава”, причем половина разделявших это мнение были убеждены, что “нашу страну должны бояться, только тогда ее будут уважать”.

Среди американских студентов соответствующие показатели были равны 23 и 16%. Преобладали авторитарные установки и в ряде суждений российских студентов о каряющей справедливости: удельный вес считающих, что “держать человека в тюрьме без суда допустимо, если человек опасен для общества” и что “если преступников наказывать более сурово, преступность снизится”, составил у них, соответственно, 55 и 54% против 28 и 10% у американских студентов. Отметим также, что в вопросе о долге перед страной у российских студентов коллективистская установка (получение “заказа” от общества) была значительно привлекательнее индивидуалистической установки (проявление собственной инициативы). У американских студентов соотношение привлекательности этих позиций прямо противоположное.

Большая противоречивость (непродуманность) суждений российских студентов достаточно четко прослеживается в ответах на вопросы о желаемом политическом устройстве общества. Поддержка принципов либеральной демократии на уровне абстрактных деклараций порой сочетается у них с авторитарными установками в более конкретных высказываниях. Так, доля российских студентов, заявивших о важности для страны равенства *всех граждан* перед законом, составила 92%. Между тем доля указавших, что для страны важна гарантированность *прав меньшинств*, была равна всего 62%. Иначе говоря, около 40% российских студентов, считающих важным равенство *всех граждан*, отказали в важности гарантиям прав *меньшинств*. Для сравнения: у американских студентов соответствующие показатели были равны 97, 94 и 6%. Еще один пример противоречивости позиций российских студентов – сочетание *оптимистического взгляда на будущее страны* с сильной обеспокоенностью *неопределенностью ее будущего*, а также *угрозами мировой войны и разрушения цивилизации*. У американских студентов позиция в этом вопросе значительно более последовательна: для них обеспокоенность будущим страны сочеталась с негативными оценками ее перспектив.

Меньшая разница во взглядах со “среднестатистическими” гражданами страны. Во всех вопросах, где имеющиеся данные позволяли сопоставить взгляды наших респондентов с результатами общенациональных опросов в их странах, российские студенты были ближе к своим “среднестатистическим” соотечественникам, чем американские студенты к своим. При этом, если американские студенты оказывались всегда либеральнее “типичных” американцев, то про российских студентов этого сказать нельзя. Например, во взглядах на желаемый характер отношений с другими странами российские участники нашего исследования были настроены более великодержавно, а в вопросе о применимости смертной казни за терроризм и коррупцию – более жестко, чем “простые” граждане России.

Перечисленные характеристики мировосприятия российских студентов представляют собой комбинацию элементов традиционной российской/русской политической культуры (слабая укорененность либерализма, великодержавность), наследия тоталитаризма (слабые различия ценностных ориентаций элитных и неэлитных групп общества)¹⁰ и неизбежных проявлений далеко еще не завершеного выхода России из тоталитарной культуры (противоречивость, непродуманность суждений). Эти характеристики можно было бы назвать естественными – во всяком случае, их наличие показалось нам куда более ожидаемым, чем было бы их отсутствие. Однако при всей их “естественности” само присутствие данных характеристик сознания кандидатов в российские элиты фактор, серьезно затрудняющий возможности преодоления фундаментальных проблем, стоящих сегодня перед Россией.

Свой взгляд на эти проблемы мы более или менее подробно изложили в [Урнов 2014; Урнов 2015^a; Урнов 2015^b; Урнов 2014]. Повторять сказанное вряд ли уместно. Заметим здесь лишь, что речь в первую очередь идет о выходе России из экономической, политической и моральной стагнации и о преодолении нарастающего отста-

¹⁰ О ценностной однородности российского общества см. [Урнов 2010; Касамара, Сорокина 2011; Урнов, Соболев, Соболева 2012; Касамара, Сорокина 2012].

вания от ведущих стран мира по критериям мягкой силы, то есть по критериям качества в таких областях, как экономика, государственное управление, образование, медицина, наука, культура, экология, межчеловеческие отношения и пр. Для решения этих проблем необходимо максимальное использование человеческого потенциала страны, а это с учетом ее масштабов и глубины проблем требует от российских элит куда большего уважения к политическим и экономическим свободам личности, куда большей нравственности и куда более тонкого умения использовать инструменты социально-либеральной поддержки равенства возможностей, чем могут себе позволить элиты ведущих стран мира.

С этой точки зрения, самым опасным явлением, обнаруженным нашим исследованием, представляется характерное для российских студентов сочетание относительной слабости либеральных установок со сравнительно небольшим ценностным отрывом от большинства населения страны. Помимо прочего, это означает, что при сохранении нынешней ситуации роль следующего поколения российской элиты в качестве референтной группы для остального общества будет столь же незначительной, как и роль элиты нынешней. Иначе говоря, в обозримой перспективе внутренний потенциал изменений российского общества будет весьма небольшим. А это, в свою очередь, означает консервацию в обществе существующих ныне многочисленных негативных черт и явлений и усугубление отставания страны от лидеров мирового развития.

Вопрос, преодолима ли сложившаяся ситуация, и если да, то каким образом она может быть преодолена, требует специального исследования. Но каким бы ни был набор возможных рекомендаций, в любом случае его необходимым элементом является подготовка меритократической элиты – образованной и открытой миру, не страдающей комплексами неполноценности и не обремененной мифологемами исключительности, способной своими решениями и собственным примером создать мощный импульс обновления страны, то есть элиты, состояние умов которой во многом отличается от состояния, выявленного нашим исследованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брубейкер Р. (2012) Этничность без групп. М.: Издат. дом ВШЭ.
- Вяземский П. А. (2003) Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров.
- Даль В. И. (1904) Пословицы русского народа. Т. 3. СПб., М.: Издание Товарищества М. О. Вольф.
- Достоевский Ф. М. (1981) Дневник писателя за 1876 год. Январь–апрель // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 22. Л.: Наука.
- Калхун К. (2006) Национализм. М.: Изд-во “Территория будущего”.
- Касамара В. А., Сорокина А. А. (2011) Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // ПОЛИС. № 4. С. 171–184.
- Левин К. (2000) Разрешение социальных конфликтов. СПб.: “Речь”.
- Пушкин А. С. (2006) Письмо П. А. Вяземскому, 27 мая 1826 года. Из Пскова в Петербург // Пушкин А. С. Письма: В 3 т. Т. 1. 1815–1826. М.: Захаров.
- Салтыков-Щедрин М. Е. (1988) За рубежом // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М.: Правда. С. 5–270.
- Соловьев Вл. С. (1897) Национализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20А. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона. С. 710.
- Соловьев Вл. С. (1898) Патриотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 23. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона. С. 36–38.
- Урнов М. Ю. (2010) Неинституциональные факторы социальной динамики – подходы к моделированию // Общественные науки и современность. № 5. С. 59–70.
- Урнов М. Ю. (2015^b) Политические ограничители модернизации национальной экономики // Журнал Новой экономической ассоциации, № 4. С. 183–188.
- Урнов М. Ю. (2014) Россия: виртуальные и реальные политические перспективы // Общественные науки и современность. № 4. С. 48–58; № 5. С. 114–129.
- Урнов М. Ю. (2015^a) Экономический кризис в России: причины, механизмы развертывания и возможные последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 186–190.

- Урнов М.Ю., Касамара В.А. (2016) Национальная идентичность студентов России и США. Статья 1. Нормативные представления о своей стране // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 75–103.
- Урнов М.Ю., Соболев А.С., Соболева И.В. (2012) Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики – эмпирическая проверка теоретической модели // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 43–57.
- Хабермас Ю. (2008) *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука.
- Хабермас Ю. (2005) *Политические работы*. М.: Праксис.
- Эрикссон Э. (1996) *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс.
- Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. in collaboration with B. Aron, M.H. Levinson and W. Morrow (1982) *The Authoritarian Personality*. Abridged Edition. New York, London: W. W. Norton and Co.
- Anderson B. (2006) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso.
- Backhouse S. (2013) *Nationalism and Patriotism* // *The Oxford Handbook of Theology and Modern European Thought*. N. Adams, G. Pattison, G. Ward (Eds). Oxford: (www.oxfordhandbooks.com).
- Baron M. (1989) *Patriotism and 'Liberal' Morality* // D. Weissbord (Ed.) *Mind, Value, and Culture: Essays in Honor of E.M. Adams*. Atascadero: Ridgeview Publishing Co. Pp. 269–300.
- Billig M. (1995) *Banal Nationalism*. London: Sage Publ.
- Boulding K.E. (1959) *National Images and International Systems* // *Conflict Resolution*. Vol. 3. No. 2. Pp. 120–131.
- Brighouse H. (2006) *Justifying Patriotism* // *Social Theory and Practice*. Vol. 32. No. 4. Pp. 547–558.
- Canovan M. (2000) *Patriotism Is Not Enough* // *British Journal of Political Science*. Vol. 30. No. 3. Pp. 413–432.
- Christiansen B. (1959) *Attitudes towards Foreign Affairs as a Function of Personality*. Oslo: Oslo Univ. Press.
- Cohen J. (Ed.) (1996) *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*. Boston: Beacon Press.
- Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S. (2003) *Nationalism and Its Explanations* // *Political Psychology*. Vol. 24. No. 2 (Special Issue: National Identity in Europe). Pp. 345–376.
- Dietz M.G. (1989) *Patriotism* // T. Ball, J. Farr, R.L. Hansen (Eds). *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge: CUP. Pp. 177–193.
- Easton D (1975) *A Re-Assessment of the Concept of Political Support* // *British Journal of Political Science*. Vol. 5. No. 4. Pp. 435–457.
- Eysenck H.J. (1951) *Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party* // *The British Journal of Sociology*. Vol. 2. No. 3. Pp. 198–209.
- Eysenck H. (1954) *The Psychology of Politics*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Greenfeld L. (1992) *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Hobsbawm E.J. (1992) *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- James W. (1910) *The Moral Equivalent of War* // *Popular Science Monthly*. Vol. 77 (https://en.wikisource.org/wiki/Popular_Science_Monthly/Volume_77/October/The_Moral_Equivalent_of_War#cite_note-1).
- Kasamara V.A., Sorokina A.A. (2012) *Imperial ambitions of Russians* // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 45. No. 3–4. Pp. 279–288.
- Kateb G. (2000) *Is Patriotism a Mistake?* // *Social Research*. Vol. 67. No. 4. Pp. 901–924.
- Miller D. (2008) *Nationalism* // *The Oxford Handbook of Political Theory*. J.S. Dryzek, B. Honig, A. Phillips (Eds) (www.oxfordhandbooks.com).
- Miscevic N. (2014) *Nationalism* // E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/nationalism/>).
- Morgenthau H. (1970) *Truth and Power: Essays of a Decade, 1960–1970*. London: Pall Mall.
- Müller J.-W. (2007) *Constitutional Patriotism*. Princeton: PUP.
- Nathanson S. (1989) *In Defense of 'Moderate Patriotism'* // *Ethics*. Vol. 99. No. 3. Pp. 535–552.
- Primoratz I. (2015) *Patriotism* // E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>).

Rothi D. M., Lyons E., Chrysochoou X. (2005) National Attachment and Patriotism in a European Nation: A British Study // *Political Psychology*. Vol. 26. Issue 1. Pp. 135–154.

Schatz R. T., Staub E., Lavine H. (1999) On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*. Vol. 20. No. 1. Pp. 151–174.

Schochet G. (2001) Patriotism // Neil J. Smelser and Paul B. Baltes (Eds-in-Chief). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Palo Alto (CA): Elsevier. Pp. 11116–11118.

Schwartz B., Kim M. (2002) Honor, Dignity, and Collective Memory // K.A. Cerulo (Ed.). *Culture in Mind: Toward a Sociology of Culture and Cognition*. New York: Routledge. Pp. 209–226 (<http://www.barrysch.wartzonline.com/HonorDignityCM.pdf>).

Tajfel H., Turner J. C. (1979) An Integrative Theory of Intergroup Conflict // Austin G., Worchel S. (Eds). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey (CA): Brooks/Cole. Pp. 33–47.

Turner J. C., Hogg M. A., Oakes P. J., Reicher S. D., Werhrell M. S. (1987) *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization theory*. Oxford: Blackwell.

Urnov M. (2014) ‘Greatpowerness’ as the Key Element of Russian Self-Consciousness under Erosion // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 47. No. 3–4. Pp. 305–322.

Vincent A. (2013) Nationalism // *The Oxford Handbook of Political Ideologies* M. Freeden, M. Stears (Eds) (www.oxfordhandbooks.com).

Vincent A. (2005) Patriotism // *New Dictionary of the History of Ideas*. The Gale Group, Inc. (<http://www.encyclopedia.com/topic/Patriotism.aspx>).

Weber M. (1946) *Essays in Sociology*. Translated, edited, and with an introduction by H. H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford University Press.

Wirth L. (1936) Types of Nationalism // *American Journal of Sociology*. Vol. 41. No. 6. Pp. 723–737.

The National Identity of Russian and American Students. Article 2. Aspects of Attitudes towards the Country that Render it an Object of National Identity

*M. URNOV**, *V. KASAMARA***

***Urnov Mark** – Professor, Academic Supervisor of the School of Political Science, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia. E-mail address: vkasamara@hse.ru.

****Kasamara Valeria** – associate professor, Head of the Laboratory for Political Studies, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia. E-mail address: vkasamara@hse.ru.

Abstract

The authors of the article compare some basic national identity aspects of Russian and American students. The views of the students of the three leading Russian universities (MSU, MGIMO and NRU HSE) and at Princeton University (USA) were analysed. The study is based on the comparison of Russian students positions with those of the Princeton University students (USA). The features under study in the article are aspects of attitudes towards the country that render it an object of national identity (country favoritism, a level of criticism towards the country and particular way of manifestation of duty for the country).

Keywords: national identity, political preferences, students, potential elites, Russia, USA.

REFERENCES

Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D. J., Sanford R. N. in collaboration with B. Aron, M. H. Levinson and W. Morrow (1982) *The Authoritarian Personality*. Abridged Edition. New York, London: W. W. Norton and Co.

- Anderson B. (2006) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso.
- Backhouse S. (2013) Nationalism and Patriotism. *The Oxford Handbook of Theology and Modern European Thought*. N. Adams, G. Pattison, G. Ward (Eds) (www.oxfordhandbooks.com).
- Baron M. (1989) Patriotism and 'Liberal' Morality / D. Weissbord (Ed.) *Mind, Value, and Culture: Essays in Honor of E. M. Adams*. Atascadero: Ridgeview Publishing Co., pp. 269–300.
- Billig M. (1995) *Banal Nationalism*. London: Sage Publ.
- Boulding K. E. (1959) National Images and International Systems. *Conflict Resolution*, vol. 3, no. 2, pp. 120–131.
- Brighouse H. (2006) Justifying Patriotism. *Social Theory and Practice*, vol. 32, no. 4, pp. 547–558.
- Brubaker R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups], Moscow: Izd. dom VSHEH.
- Calhoun K. (2006) *Nacionalizm* [Nationalism]. Moscow: "Territoriya budushchego".
- Canovan M. (2000) Patriotism Is Not Enough. *British Journal of Political Science*, vol. 30, no. 3, pp. 413–432.
- Christiansen B. (1959) *Attitudes towards Foreign Affairs as a Function of Personality*. Oslo: Oslo Univ. Press.
- Cohen J. (Ed.) (1996) *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*, Boston: Beacon Press.
- Dal' V.I. (1904) *Posloviy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people], vol. 3. St.-Peterburg, Moscow: Izdanie Tov-va M.O. Vol'f.
- Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S. (2003) Nationalism and Its Explanations. *Political Psychology*, vol. 24, no. 2 (Special Issue: National Identity in Europe), pp. 345–376.
- Dietz M. G. (1989) Patriotism // T. Ball, J. Farr, R.L. Hansen (Eds). *Political Innovation and Conceptual Change*, Cambridge: CUP, pp. 177–193.
- Dostoevsky F.M. (1981) *Dnevnik pisatelya za 1876 god. Yanvar'–aprel'* [Diary of a Writer for 1876. January–April]. Dostoevsky F.M. Complete Works in 30 vols, vol. 22, Leningrad: Nauka.
- Easton D (1975) A Re-Assessment of the Concept of Political Support. *British Journal of Political Science*, vol. 5, no. 4, pp. 435–457.
- Erickson E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Progress.
- Eysenck H.J. (1951) Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party. *The British Journal of Sociology*, vol. 2, no. 3, pp. 198–209.
- Eysenck H. (1954) *The Psychology of Politics*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*, Ithaca: Cornell University Press.
- Greenfeld L. (1992) *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press.
- Habermas J. (2005) *Politicheskie raboty* [The political work], Moscow: Praxis.
- Habermas J. (2008) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii*. [The involvement of other. Essays on Political Theory]. St.-Petersburg: Nauka.
- Hobsbawm E.J. (1992) *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- James W. (1910) The Moral Equivalent of War. *Popular Science Monthly*, vol. 77 (https://en.wikisource.org/wiki/Popular_Science_Monthly/Volume_77/October/The_Moral_Equivalent_of_War#cite_note-1).
- Kasamara V.A., Sorokina A.A. (2012) Imperial Ambitions of Russians. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 45, no. 3–4, pp. 279–288.
- Kasamara V.A., Sorokina A.A. (2011) *Obraz Rossii v diskurse politicheskoy ehliny i rossijskih bezdomnyh* [The image of Russia in the discourse of the political elite and the Russian homeless]. *POLIS*, no. 4, pp. 171–184.
- Kateb G. (2000) Is Patriotism a Mistake? *Social Research*, vol. 67, no. 4, pp. 901–924.
- Levin K. (2000) *Razreshenie social'nyh konfliktov* [Resolution of social conflicts], St.-Petersburg: "Rech".
- Miller D. (2008) Nationalism. *The Oxford Handbook of Political Theory*. J.S. Dryzek, B. Honig, A. Phillips (Eds) (www.oxfordhandbooks.com).
- Miscevic N. (2014) *Nationalism* // E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. (<http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/nationalism/>).
- Morgenthau H. (1970) *Truth and Power: Essays of a Decade, 1960–1970*. London: Pall Mall.
- Müller J.-W. (2007) *Constitutional Patriotism*. Princeton: PUP.
- Nathanson S. (1989) In Defense of 'Moderate Patriotism'. *Ethics*, vol. 99, no. 3, pp. 535–552.

- Primoratz I. (2015) Patriotism. E.N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. (<http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>).
- Pushkin A.S. (2006) Pis'mo P.A. Vyazemskomu, 27 maya 1826 goda. Iz Pskova v Peterburg. Pushkin A.S. *Pis'ma: V 3 t. T. 1. 1815–1826*. [Letter to P.A. Vyazemsky, May 27, 1826. From Pskov to St.-Petersburg. Pushkin A.S. Letters: In 3 vols 1. 1815–1826], Moscow: Zaharov.
- Rothi D.M., Lyons E., Chrysochoou X. (2005) National Attachment and Patriotism in a European Nation: A British Study. *Political Psychology*, vol. 26, no. 1, pp. 135–154.
- Saltykov-Shchedrin M.E. (1988) Za rubezhom. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobr. soch. v 10 t. T. 7 [Abroad] [Collected Works in 10 vols. vol. 7]*, Moscow: "Pravda", pp. 5–270.
- Schatz R.T., Staub E., Lavine H. (1999) On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*, vol. 20, no. 1, pp. 151–174.
- Schochet G. (2001) Patriotism. Neil J. Smelser and Paul B. Baltes (Eds-in-Chief). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. – Palo Alto (CA): Elsevier, pp. 11116–11118.
- Schwartz B., Kim M. (2002) Honor, Dignity, and Collective Memory. K.A. Cerulo (Ed.). *Culture in Mind: Toward a Sociology of Culture and Cognition*. New York: Routledge, pp. 209–226 (<http://www.barryschwartzonline.com/HonorDignityCM.pdf>).
- Solovev V.I. S. (1897) Nacionalizm [Nationalism] *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. T. 20A [Encyclopedic Dictionary by Brockhaus and Efron. Vol. 20A]*. St.-Petersburg: Tipolitoografiya I.A. Efrona, p. 710.
- Solovev V.I. S. (1898) Patriotizm [Patriotism]. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. T. 23. [Encyclopedic Dictionary by Brockhaus and Efron, vol. 23]*. St.-Petersburg: Tipolitoografiya I.A. Efrona, pp. 36–38.
- Tajfel H., Turner J.C. (1979) An integrative theory of intergroup conflict. Austin, G., Worchel, S. (Eds). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey (CA): Brooks/Cole, pp. 33–47.
- Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Werhrell M.S. (1987) *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford: Blackwell.
- Urnov M.Y. (2015^a) Ekonomicheskij krizis v Rossii: prichiny, mekhanizmy razvertyvaniya i vozmozhnye posledstviya [The Economic Crisis in Russia: Causes, Deployment Mechanisms, and the Possible Consequences]. *Zhurnal Novoj ehkonomicheskoy associacii*, vol. 26, no. 2, pp. 186–190.
- Urnov M. (2014^b) 'Greatpowerness' as the Key Element of Russian Self-consciousness under Erosion. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 47, no. 3–4, pp. 305–322.
- Urnov M.Y. (2010) Neinstitucional'nye faktory social'noj dinamiki – podhody k modelirovaniyu [Non-institutional factors of social dynamics – approaches to modeling]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 59–70.
- Urnov M.Y. (2015^b) *Politicheskie ogranichiteli modernizacii nacional'noj ehkonomiki [Political Constraints on Modernization of National Economy]*. *Zhurnal Novoj ehkonomicheskoy associacii*, vol. 48, no 4, pp. 183–188.
- Urnov M.Y. (2014^a) Rossiya: virtual'nye i real'nye politicheskie perspektivy [Russia: virtual and real political prospects]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 48–58, no. 5, pp. 114–129.
- Urnov M.Y., Kasamara V.A. (2016) Natsionalnaya identichnost' studentov Rossii i Scha. Stat'y I [Students' normative perceptions of their country in Russia and USA]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 75–103.
- Urnov M.Y., Sobolev A.S., Soboleva I.V. (2012) Cennostnaya neodnorodnost' obshchestva kak faktor social'noj dinamiki – ehmpiricheskaya proverka teoreticheskoy modeli [Value heterogeneity of society as a factor of social dynamics – empirical verification of theoretical model]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 43–57.
- Vincent A. (2013) Nationalism. *The Oxford Handbook of Political Ideologies* M. Freeden, M. Stears (Eds) (www.oxfordhandbooks.com).
- Vincent A. (2005) Patriotism. *New Dictionary of the History of Ideas*. The Gale Group, Inc. (<http://www.encyclopedia.com/topic/Patriotism.aspx>).
- Vyazemskij P.A. (2003) *Staraya zapisnaya knizhka. 1813–1877 [The old notebook. 1813–1877]*. Moscow: Zaharov.
- Weber M. (1946) *Essays in Sociology*. Translated, edited, and with an introduction by H.H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford Univ. Press.
- Wirth L. (1936) Types of Nationalism. *American Journal of Sociology*, vol. 41, no. 6, p. 723–737.